

Четыре тонких мягких губы соприкоснулись. Ему показалось, что на мгновение в голове у него образовалась абсолютная пустота.

Следом за этой пустотой Мо Яо отпустил его губы, потянул за руку вниз, в глубину, и Мо Сяобай, вернув себе часть сил, снова принялся шарить вокруг в воде.

Мо Яо никак не мог взять в толк: что именно пытался отыскать Мо Сяобай? Почему он проявил такое упорство и был готов даже расстаться с жизнью?

Но раз Сяобай хотел найти эту вещь, он составит ему компанию. Пока он рядом, с Сяобаем ничего не случится.

Они ныряли очень долго. Так долго, что сидевший на берегу Мо Чэнь уже почти не мог усидеть на месте. Когда он пришёл сюда вместе с главой, то увидел лишь, как Мо Сяобай прыгнул в реку. Он ещё даже не успел сообразить, в чём дело, как глава тоже бросился за ним, оставив его одного охранять на берегу эту стаю щенков.

Те парни знали, что вляпались в неприятности, и всё это время жались у берега, не смея уйти. Они ещё надеялись на то, что их много, и это придавало им капельку уверенности; но если они уйдут сейчас, а Мо Яо станет выслеживать их по одному и мстить... такого они точно не вынесут.

Они хотели дождаться, пока мальчишка выберется наверх, чтобы нормально с ним поговорить: пара извинений — и всё уладится, Мо Яо не станет с ними сильно зверствовать.

Порой излишний оптимизм действительно смертелен.

Когда Мо Яо вынес Мо Сяобаева наверх, тот был уже едва жив, но в руке всё так же крепко сжимал чёрную бархатную коробочку. Мо Сяобай потерял сознание ровно в тот момент, когда отыскал её. Мо Яо тут же прижал его к себе, поддерживая, а Мо Сяобай по привычке уткнулся носом ему в грудь и окончательно провалился в беспамятство.

Мо Яо усадил его на бетонный берег. Одежда Мо Сяобая промокла насквозь, сам он выбился из сил до предела, и когда налетел холодный ветер, он даже в бессознательном состоянии испуганно вздрогнул, свернувшись калачиком в объятиях Мо Яо.

Мо Яо нахмурился и подозвал Мо Чэня.

Е Вэй увидел, что глава уже вытащил Мо Сяобая, и было собрался идти разбираться с теми щенками, но Мо Яо снова окликнул его. Стоило ему подойти ближе, как Мо Яо бросил ему одно ледяное слово, от которого у Мо Чэня волосы встали дыбом:

— Раздевайся!

Мо Чэнь на мгновение опешил и нерешительно переспросил:

— Глава, ты... ты что сейчас сказал?

Мо Яо протянул руку, проверяя лоб Мо Сяобая — тот уже слегка разгорелся от жара. Нахмурившись, он отрывисто приказал:

— Сними свою одежду! Быстрее!

Мо Чэнь на секунду замер, после чего ловко стянул с себя верхнюю рубашку и озабоченно спросил:

— Глава, с Сяобаем... всё в порядке?

— Мм, оставайся здесь и присмотри за ним.

Мо Яо сдернул с Мо Сяобая мокрые вещи, взял куртку Мо Чэня и завернул в неё мальчика. Широкая камуфляжная ткань слой за слоем укутывала хрупкое тело Мо Сяобая, превращая его в подобие младенца. Про себя Мо Чэнь не преминул съязвить: «Глава, вспомнить о моём существовании ты можешь только в такие моменты!»

С самого детства единственной пользой от него в глазах Мо Яо было одно: держаться от Мо Сяобая подальше.

Если бы одежда самого главы не промокла насквозь, он бы о нём и не вспомнил. Мо Чэнь едва не плакал: он ведь собирался свести счёты с той компашкой, а как теперь сводить? Он опустил взгляд на собственную белую футболку с круглым вырезом: эх, никакой грозности, просто ничтожно!

Укутав Мо Сяобая и уложив его на землю, Мо Яо поднялся на ноги. Его холодный взгляд скользнул по сторонам, и зловещая, подобная ледяным стрелам устремлённость пронзила каждого из крепких парней.

Толпа испуганно вздрогнула. Во взгляде сквозь абсолютную темноту и жесткость читался такой леденящий мрак, что казалось, перед ними сам Яньло, вершащий суд над душами — выдержать это не мог почти никто.

Из толпы раздался дрожащий голос:

— Мо... Мо Яо, твой брат первый полез!

Ледяной взгляд уставился на говорившего, брови сошлись на переносице:

— И что с того?

— ...

Все смолкли. Мо Яо шагнул вперёд, двигаясь неторопливо. С него всё ещё капала вода, и с каждым его шагом на сером бетоне оставался влажный след. Парни со страхом следили за тем, как мокрые следы приближаются шаг за шагом, словно звуки погребального колокола. Охваченные дурным предчувствием, они начали пятиться, толкая друг друга.

Мо Яо сделал шаг — они отступали на шаг.

Выдержав паузу, он едва разомкнул тонкие губы:

— Тронувшие его все умрут!

Леденящий голос, казалось, доносился из самого ада, врезаясь в слух каждого по отдельности.

Едва смолкло последнее слово, его фигура молнией метнулась в центр толпы. Вскинув обе руки одновременно, он с сухим хрустом свернул шеи двоим здоровякам. Их головы мгновенно обвисли, и тела рухнули на землю.

Все вокруг судорожно втянули воздух, но не успели они сделать и вдоха, как Мо Яо схватил за руку ещё одного и со звериной силой швырнул его на стоявших справа громил. Двухсоткилограммовая туша тяжело обрушилась им на головы, и несколько человек с грохотом свалились вместе. Раздался истошный вопль: тому парню оторвали руку, обнажив кровавое мясо, а из разломанного плечевого сустава фонтаном хлынула кровь.

На ногах оставалось ещё человек пять-шесть. Все они оглядывались друг на друга с немим ужасом. Даже Мо Чэнь был потрясён: он знал, что глава силён, но никогда не видел его настолько безжалостным. Смертоносная техника, мгновенное убийство с одного удара — даже на заданиях глава никогда так не действовал.

Тот самый немецкий громила, которому Мо Сяобай ранее вывихнул руку, сделал знак подельнику. Тот немедленно выхватил пистолет ТП и открыл огонь, пуля за пулей устремляясь в Мо Яо.

На губах Мо Яо мелькнула холодная усмешка.

Заполучив ствол, он возомнил, что сможет пристрелить его?

Мгновенно сменив позицию, он кубарем скатился к самой воде, поднимая за собой тучи пыли и оставляя позади россыпь гильз. Ловким движением зачерпнув со дна реки горсть камней и воспользовавшись моментом, пока стрелок перезаряжал магазин, Мо Яо взмахнул рукой. Камушек со свистом рассек воздух, с безупречной точностью пробив стрелку череп, и брызнувший мозг забрызгал землю вокруг.

Четверо оставшихся в панике задрожали. Это было слишком страшно — в тренировочном лагере никто не смел тягаться с Мо Яо, и никто прежде не видел его истинной силы. Такая мощь и скорость пугали до оцепенения.

Мо Яо поднялся, сузив глаза, и уже собирался расправиться с остальными, как вдруг со стороны Мо Чэня донёлся крик:

— Глава! Сяобай весь в холодном поту, что-то не так!

Мо Яо тут же бросился назад к Мо Сяобаю. Оглядев его с головы до ног и заметив бледное лицо и сведённые судорогой брови, словно тот терпел невыносимую боль, он мягко успокоил мальчика, стёр пот с его лба, подхватил на руки и помчался в сторону лагеря.

Толпа только было перевела дыхание, как леденящий до костей голос пронёсся над их головами:

— Ваши головы пока останутся на плечах. Сяобай проснётся и сам за ними придёт.

Бросив это, он пулей понёс Мо Сяобая в лагерь. Лишь после осмотра лагерным врачом выяснилось, что у Сяобая мало того что была сломана лучезапястная кость, так он ещё и провёл столько времени в ледяной воде — неудивительно, что рана воспалилась.

Переживая за него, Мо Чэнь вместе с тем ужасно удивлялся: обычно Мо Сяобай был из тех, кто не позволял обидеть себя ни на йоту, так как же он смог терпеть столько времени?

В полном недоумении он посмотрел на Мо Яо и спросил:

— Глава, зачем Сяобай вообще полез в реку?

Мо Яо нахмурился, взял лежавшую на тумбочке бархатную коробочку и откинул крышку. Оба замерли: внутри лежали изысканные кварцевые часы.

Стальной браслет ярко блестел на свету, крупные римские цифры выделялись на чёрном циферблате, а по кругу шла утончённая инкрустация из мелких чёрных бриллиантов. Простые и сдержанные, они, хоть и не стоили целого состояния, излучали какое-то особенное очарование.

Мо Чэнь скривил губы:

— Глава, эти часы стопроцентно предназначались тебе. Какой же Сяобай неблагодарный! Прекрасно знал, что мы с тобой родились в один день, а подарок приготовил только тебе. И стоило мне так хорошо к нему относиться!

Чем больше Мо Чэнь говорил, тем сильнее чувствовал себя обиженным. Мо Яо захлопнул коробочку и вернул часы на место у изголовья Мо Сяобая, а на его губах сама собой заиграла мягкая улыбка.

Этот маленький дурачок... до чего же он глуп, до боли в сердце!

Он пригладил чёлку на лбу Мо Сяобая, и нежная улыбка уже никак не пряталась в уголках его рта — всё его лицо озарилось светлым выражением.

Глядя на то, как суровое лицо главы залито мягкой улыбкой, Мо Чэнь, кажется, начал кое-что понимать.

На дворе стояла зима. Ближе к вечеру на Ближнем Востоке завывал пронзительный северный ветер, раскачивая ветви деревьев вокруг столовой. Бушующие тучи жёлтого песка скрывали последние лучи заходящего солнца, и всё небо казалось унылым и серым.

Завывания разбушевавшегося ветра заглушили мысли Мо Чэня. Он опустил взгляд на левое запястье главы: часы, которые тот носил уже четыре года, сверкали как новенькие — было видно, как бережно их хозяин ухаживал за ними.

Тому самому дню рождения четыре года назад сопутствовали смутные догадки, которые за эти четыре года каждодневных мелочей стали еще более ясными и очевидными.

Мо Чэнь постепенно начал понимать, почему каждый раз, когда Мо Сяобай крутился рядом с ним, глава смотрел на него ледяным взглядом. Почему он, будучи родным младшим братом главы, оставался в тени, в то время как Мо Яо баловал Мо Сяобая так, что тот был готов взлететь на небеса.

Эти скрытые чувства — о них не скажешь вслух, и... их не получишь.

Мо Чэнь долгое время пребывал в шоке. Как такой безупречный человек, как глава — жёсткий, властный, совершенный во всём, от внешности до талантов и нрава — мог запасть на такого ублюдочного придурка, как Мо Сяобай?

Ему так и подмывало спросить: глава, у тебя часом в мозгах ничего не перемякнуло? Или глаза кровью заплыли? Катаракта? Да кого угодно можно было выбрать, но только не Мо Сяобая! Если даже отбросить тот факт, что он твой сводный брат, ты же видел его бесчувственность с

самого детства — этот тип всегда думал лишь о собственном кайфе, плевав на чужие жизни!

Ему так хотелось предостеречь: глава, умоляю, не вздумай продаться за какие-то часы! У него же нет сердца, нет сердца!

Но он знал: в советах тот не нуждался. Глава и сам всё прекрасно понимал — то, чего он желал, было недостижимо во веки веков.

И глава никогда ничего не требовал. Абсолютно ничего.

Наступила ночь, на территории лагеря виднелись лишь редкие силуэты. Время раздачи ужина подошло к концу, и Мо Чэнь с Мо Яо вышли из столовой, направляясь к жилой зоне четвёртого сектора.

На ужин отводилось всего полчаса, а от полигона до столовой ходу было не меньше десяти минут. Тот, кто не успевал к раздаче, оставался с пустым желудком. Мо Сяобай уже несколько вечеров подряд куда-то пропадал, после целого дня тренировок ничего не ел, и немудрено, что к полуночи у него в животе начинало урчать.

Мо Яо припрятал парочку пампушек за пазухой просторного камуфляжа. Мо Чэнь про себя тяжело вздохнул: глава всегда вёл дела честно и открыто, никогда не опускаясь до воровства и грязных шуточек, но ради Мо Сяобая он теперь способен даже на такое?

Вообще-то воровать должен был он сам!

Любопытство Мо Чэня разгоралось всё сильнее. Как бы плотно Мо Сяобай ни поел, стоило пройти чуть-чуть времени, как он неизменно принимался ныть от голода, требуя еды и жалуясь, что его крошечный желудок подвергают жестоким истязаниям. Но почему сейчас он уже несколько дней подряд пропускал ужин? Неужели он не голоден?

Что за вещь обладала такой притягательной силой, что он забывал про свой любимый ужин?

Он взглянул на Мо Яо:

— Глава, как думаешь, куда это Сяобай запропастился?

— Не знаю.

Мо Яо нахмурился. Ему самому было жутко интересно, что же так захватило Мо Сяобая.

— Хе-хе, скоро узнаем!

Мо Чэнь гордо зашагал рядом с Мо Яо в сторону четвёртого сектора, думая про себя: Мо Сяобай, я же выведу тебя на чистую воду и посмотрю, какими это секретами ты занимаешься целыми днями!

Однако стоило ему увидеть всё своими глазами, как он тут же пожалел об этом. Ему не стоило подначивать главу прийти сюда. Если бы у него был выбор начать всё сначала, он бы изо всех сил отговаривал Мо Яо.

Четвёртый сектор был смешанным лагерем с девятью рядами общежитий: пять рядов для парней, три для девушек. Когда они подошли к воротам секторного городка, те уже были на задвижке — во избежание бесчинств курсантов выходы перекрывались сразу по окончании тренировок.

Мо Яо одним прыжком преодолел крутую высокую стену, Мо Чэнь последовал за ним. Внутри царил полумрак, на пустой территории не было ни души. Возвышавшиеся по периметру плаца финиковые пальмы раскачивались под ударами свирепого ветра, и в этой кромешной тьме их шум звучал словно пение призраков, нагоняя жуткую жуть.

Мо Чэнь поёжился:

— Глава, здесь же вообще никого нет, куда Сяобай мог деться?

Оглядевшись, Мо Яо глухо бросил:

— Проверим каждое место.

Они обошли всё: от полигона до столовой и корпусов общежитий, обшарив каждый угол по несколько раз, но от Мо Сяобая не было и следа. Они даже заглянули в каждый уголок коридоров женского общежития — пусто.

Куда же запропастился этот сорванец?

Оба они прошли специальную подготовку, и найти кого-либо для них было вопросом трех-пяти минут, но шли часы, а отыскать Мо Сяобая всё никак не удавалось.

С каких это пор у Мо Сяобая появились такие способности к конспирации?

Дело шло к отбою, и Мо Чэнь повернулся к Мо Яо:

— Глава, может, вернёмся? Сяобай скоро сам вернётся в казарму!

Мо Яо молчал. Он собственными глазами видел, как Мо Сяобай направлялся к четвёртому сектору — как же здесь могло не быть и следа!

Вспомнив, как четыре года назад во время своего исчезновения Сяобай подрался с кем-то, он почувствовал, как сердце сжалось от дурного предчувствия. Тогда Мо Сяобай чуть не лишился кисти руки, и если бы они с Мо Чэнем не подоспели вовремя, возможно, пострадала бы не только рука, но и жизнь.

Мо Яо охватила тревога.

Хотя он прекрасно знал, что Сяобай очень силен — во всем тренировочном лагере, не считая его самого и Мо Чэня, показатели Мо Сяобая были лучшими, он во всем опережал остальных как в умственном, так и в физическом плане, и никто не мог с ним тягаться или хотя бы посмел поднять руку —

Но он всё равно не мог перестать волноваться. Когда Мо Сяобай исчезал из поля зрения, и он не знал, где тот находится, тревога неизменно нарастала: не попал ли Сяобай в беду, не обижает ли его кто-нибудь.

Такое беспокойство давно вошло у него в привычку.

Он привык вечно переживать за Мо Сяобая, привык ставить его во главу угла.

— Разойдёмся и поищем ещё раз! — Мо Яо сжал брови и отрывисто скомандовал.

Мо Чэнь кивнул, но, сделав пару шагов, почувствовал неладное: почему глава не двигается?

Обернувшись, он увидел, что Мо Яо так и застыл на месте, превратившись в изваяние, словно вросший в землю столп. Бушующий яростный ветер растрепал густые пряди его волос, разметав их безумным пламенем, но сам он стоял недвижно, не чувствуя ничего, уставившись мертвым взглядом в тень напротив.

Мо Чэнь проследил за его взглядом и тоже замер:

— Глава... это Сяобай?

Мо Яо не отвечал. Мо Чэнь приоткрыл рот, собираясь уже гаркнуть во всю мочь имя Мо Сяобая, но тут же осёкся.

Спина Мо Сяобая была обращена к ним, весь он прятался в тени угла. Упершись обеими руками в стену напротив, он низко наклонил голову и продолжал тереться о камни, почти прижавшись лицом к стене, а несколько золотистых прядей трепетали у него на затылке.

Золотистые... пряди?

Мо Чэнь моргнул, взгляделся внимательнее и только теперь заметил: стройные ноги обвивали узкую талию Мо Сяобая, а хрупкая светловолосая девушка была прижата им к стене. Их тела слились в единое целое...

Было очевидно: они страстно целуются.

Свирепый, жаркий поцелуй. Мо Сяобай целовался с такой самоотдачей, что казалось, готов вдавить девушку в самую стену. Даже со спины Мо Чэню, казалось, передавался жар этих тел.

Мо Чэнь судорожно втянул воздух и резко обернулся на Мо Яо.

Мо Яо по-прежнему стоял на месте, как сломанная кукла, не шевелясь и даже не моргая. Он словно окаменел, превратившись в изваяние, и в упор смотрел на две слившиеся в пылу страсти фигуры в углу.

Ни звука.

В этот момент Мо Яо показалось, что он больше ничего не слышит — кроме дыхания тех двоих. Как он мог расслышать это тяжелое дыхание с такого расстояния?

Каждый вздох, словно отравленный ледяной клинок, разил без промаха, вонзаясь холодным острием прямо в уши.

Звук этот будто выскребал душу и кромсал плоть — пронзительный и невыносимый.

Он стоял неподвижно, не смея даже моргнуть: стоило закрыть глаза, как в сознании тотчас всплывала картина того, как Мо Сяобай целуется с кем-то другим — горящие страстью глаза, сплетшиеся обжигающие языки...

К счастью, Сяобай стоял к нему спиной.

Пройди всё это перед его глазами лицом к лицу, он бы, пожалуй, действительно не выдержал.

Хорошо хоть, что только спина.

Он мог сделать вид, что ничего не видел, что понятия не имеет, чем они там занимались.

Заметив, что тело главы окаменело на долгое время, а сам он застыл в каком-то сомнамбулическом ступоре, Мо Чэнь не выдержал и тихонько позвал:

— Глава, ты... в порядке?

Мо Яо повернулся и на секунду зажмурил глаза:

— Да, пойдём.

Его удаляющаяся спина излучала холод и одиночество, мгновенно растворившись в чернильной ночной мгле. Мо Чэнь бросил ещё один взгляд на всё ещё погруженного в страстный поцелуй Мо Сяобая, шагнул за Мо Яо, открыл было рот, но в конце концов промолчал.

Когда Мо Сяобай вернулся, отбой уже давно прозвучал. Комендантский час начался, и инструкторы вот-вот должны были пойти с обходом. Мо Чэнь мысленно молился, чтобы этим проверяющим не оказался кто-нибудь вроде Е Вэй или Ши И — заявись эта парочка с проверкой, никакие ухищрения не помогли бы Мо Сяобаю выкрутиться.

Мо Чэнь лежал на кровати, терзаемый мрачными предчувствиями, как вдруг со стороны окна послышался стук.

Он приподнялся и посмотрел на спавшего напротив главу. Кровать Мо Яо стояла у двери, а его собственная — ближе к окну. По идее, чуткость главы была легендарной: он должен был услышать лазающего по стене гостя ещё до того, как тот доберётся до окна. Но сейчас глава лежал пластом, даже не шевельнувшись.

Мо Чэня обуяло жгучее любопытство: неужели потрясение от поступка Мо Сяобая полностью вырубил у главы даже инстинкты самосохранения?

Спрыгнув с кровати и подойдя к окну, он увидел за стеклом нечёсаную макушку Мо Сяобая, которая шарилась взглядом по комнате. Мысленно восхитившись непробиваемой выдержкой главы, Мо Чэнь распахнул створку:

— Мо Сяобай, пугать людей посреди ночи — это уже перебор! Кто не знает, решил бы, что ты озлобленный призрак!

Круглые глаза Мо Сяобая лукаво сверкнули:

— Братец, неужели ты замечтался закрутить роман с какой-нибудь сиреной из потустороннего мира? Здорово же! Говорят, эти призрачные красотки все как на подбор неотразимы. Повезло тебе, братец! Смотри только не забудь показать её мне и главе!

Чем дальше говорил Мо Сяобай, тем больше распалялся, чуть не хлопая в ладоши от восторга. Но поскольку обе его руки всё ещё держались за оконную раму, а Мо Чэнь загораживал проход, Мо Сяобай прижался носом к стеклу и заныл:

— Братец, ну подвинься же ты, дай мне запрыгнуть внутрь!

При этом он продолжал косить глазом в сторону Мо Яо.

Мо Чэнь скривил губы: ну и болтун же этот гад! Ему про то, что появился слишком поздно, а он в ответ про романы с призраками! Скрестив руки на груди, он загородил проем:

— Мо Сяобай, я сегодня не стану допытываться, где тебя носила нелёгкая. Но если завтра ты появишься так же поздно, я пойду и всё расскажу твоей мамочке! На этот раз тебя и глава не прикроет!

Мо Сяобай сверкнул на него глазами и обиженно заголосил на всю комнату:

— Глава! Братец не пускает меня внутрь! Глава! Глава!

<http://bllate.org/book/22270/2331505>